
СТЕФАНИ РИЧАРДС

**ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В США:
2005—2019 ГОДЫ**

Творческое наследие величайшего русского поэта не прекращает вызывать интерес исследователей в США, что делает задачу выбора хронологических рамок для настоящего обзора проблематичной. Хотя первое пятилетие нового века, последовавшее за юбилейным 1999 годом, было отмечено целым рядом основополагающих работ, посвященных Пушкину,¹ я решила избрать точкой отсчета год 2005-й, когда из печати вышел «Пушкинский справочник».² С тех пор многое изменилось: знаменитый редактор этого издания Дэвид М. Бетеа ушел на пенсию, развитие американской пушкинистики не раз поменяло свое направление, а студенты, для которых «Пушкинский справочник» был путеводной нитью на семинарах о «нашем всем», уже сами начали публиковать книги — примером может служить исследование Кэтлин Сколлинс «Акты логоса у Пушкина и Гоголя».³ Последним изданием, подводющим итоги развития пушкинистики и дающим им оценку, был сборник «Пушкин: Итоги

¹ Например: *Sandler S. Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet.* Stanford University Press, 2004; *Collected Essays in Honor of the Bicentennial of Alexander Pushkin's Birth / Ed. J. T. Ryfa.* Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000 (*Slavic Studies; Vol. 4*); *Evdokimova S. Alexander Pushkin's Little Tragedies: The Poetics of Brevity.* University of Wisconsin Press, 2003; *O'Neil C. With Shakespeare's Eyes: Pushkin's Creative Appropriation of Shakespeare.* University of Delaware Press, 2003; *Rosenshield G. Pushkin and the Genres of Madness: The Masterpieces of 1833.* The Wisconsin Center for Pushkin Studies, 2003; *Clayton J. D. Dimitry's Shade: A Reading of Alexander Pushkin's "Boris Godunov".* Northwestern University Press, 2004.

² *The Pushkin Handbook / Ed. D. M. Bethea.* University of Wisconsin Press, 2005.

³ *Scollins K. Acts of Logos in Pushkin and Gogol: Petersburg Texts and Subtexts.* Academic Studies Press, 2017

и проблемы изучения», вышедший в 1966 году. Хотя редактором «Пушкинского справочника» выступил американский исследователь и выпущен он было американским университетским издательством, его участниками стали не только американцы.⁴ В Предисловии к «Пушкинскому справочнику» Дэвид М. Бетеа писал, что книга составлялась с опорой на достижения российской / советской науки, в последнее время сосредоточенной на собственно филологических проблемах и изучении исторического контекста. В задачу авторов входило восполнить недочеты издания «Пушкин: Итоги и проблемы изучения», подводившего итоги развития пушкинистики в 1966 году и представить состояние современного пушкиноведения, каким оно сложилось к началу 2000-х годов.⁵

Настоящий краткий обзор в основном посвящен исследованиям, вышедшим в США, — работам американских ученых, опубликованным в американских издательствах или журналах. Впрочем, четко выделить эту группу затруднительно, поскольку некоторые пушкинисты работают в Канаде, а русские ученые — в США. В обзор вошло далеко не все написанное по-английски: из чисто практических соображений я не стала включать в него исследования, изданные в Великобритании и Европе. Даже за исключением этих работ данный обзор охватывает более 150 книг, отдельных глав и статей, по преимуществу опубликованных в американских академических журналах.⁶ Надо сказать, что очертить круг чисто американских изданий тоже трудно, так как существуют онлайн-издания с редакциями и советами экспертов, в которых публикуются работы ученых разных национальностей, работающих в различных научных учреждениях.⁷ Настоящий обзор адресован специалистам, интересующимся развитием американской пушкинистики за последние пятнадцать лет.

Начнем с выявления круга пушкинских текстов, ставших предметом исследования в эти годы. Хотя Пушкин прежде всего — поэт и главным в его творчестве остаются поэтические произведения, его проза продолжает привлекать повышенное внимание. Более 25 статей и разделов монографий были посвящены прозе Пушкина, тогда

⁴ Из 28 авторов 18 — русскоязычные, причем 11 из них в то время работали в России.

⁵ См.: The Pushkin Handbook. P. XII, XIV.

⁶ Основные из этих журналов: «The Pushkin Review», «The Russian Review», «The Slavic Review», «The Slavic and East European Journal» и «Russian Literature».

⁷ Например, «Russian Literature», где печатаются многие ученые, работающие в США.

как лишь 20 — поэзии. В это число не входят поэмы, но тем не менее приведенные цифры весьма показательны. Самое обсуждаемое из прозаических произведений — «Пиковая дама», о ней написано 12 работ, немалое внимание было уделено «Капитанской дочке» — 7 работ. Примерно 15 работ посвящены поэмам, среди которых наиболее популярные — «Цыганы» и «Медный всадник»; о каждой из них написано по пять статей. Самым исследуемым произведением Пушкина остается его шедевр «Евгений Онегин» — ему посвящено 16 работ.

За последние 15 лет вышло всего несколько книг, непосредственно связанных с творчеством Пушкина, в их числе только две авторские монографии. Из них только труд Майкла Вахтеля «Комментарий к лирике Пушкина 1826—1836 годов»⁸ посвящен собственно пушкинским произведениям.⁹ Предмет монографии Джонатана Платта «Приветствуем тебя, Пушкин! Культурная политика Сталина и русский национальный поэт»¹⁰ — не столько творчество поэта, сколько юбилей 1937 года и присвоение Пушкина советской культурой. Еще три книги, целиком посвященные Пушкину, это коллективные монографии или работы, написанные в соавторстве. Одна из них — ««Борис Годунов» без цензуры»,¹¹ в которую вошел русский текст ранней редакции трагедии, а также — впервые — английский перевод этой редакции и комментарий к ней. Вторая книга — «Под небом Африки моей: Александр Пушкин и Африка».¹² Ее редакторы доказывают, что акцентирование или, наоборот, недооценка значения африканских корней Пушкина (обе тенденции наблюдаются на протяжении двух последних столетий), могут быть связаны с меняющимися представлениями о русской культурной идентичности. И, наконец, третья книга — «Запретный Пушкин: Темы, тексты, толкования» Алиссы Гиллеспи¹³ — представляет со-

⁸ *Wachtel M. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. University of Wisconsin Press, 2011*

⁹ Существует еще лишь один комментарий, изданный в США в тот же период, — это комментарий Кирилла Осповата к «Капитанской дочке» в книге «Русская литература и Запад: Сборник в честь Дэвида М. Бетеа» (*Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford University, 2008*).

¹⁰ *Platt J. B. Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard. University of Pittsburgh Press, 2016.*

¹¹ *Dunning Ch. et al. The Uncensored Boris Godunov: The Case for Pushkin's Original Comedy, with Annotated Text and Translation. University of Wisconsin Press, 2007.*

¹² *Under the Sky of my Africa: Alexander Pushkin and Blackness / Ed. C. Th. Nepomnyashchy et al. Northwestern, 2005.*

¹³ *Gillespie A. D. Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations. University of Wisconsin Press, 2012.*

бой сборник, в котором центральное место впервые занимают темы, обычно остающиеся на периферии пушкинских исследований. Особенно важен здесь раздел «Табу в контексте».

Стоит назвать еще 7 авторских монографий, в которых творчество Пушкина представлено достаточно основательно, хотя и не составляет единственный предмет рассмотрения. В книге «Письмо как экзорцизм»¹⁴ дана интерпретация связи между творчеством и личностью автора в таких произведениях, как «Пиковая дама». Александра Смит в монографии «Пушкинский калейдоскоп: Пушкин и образы современности в русской поэзии XX века»¹⁵ впервые последовательно прослеживает влияние Пушкина на поэзию XX века. Гэри Розеншилд в исследовании «Оспаривая поэта: Достоевский и Пушкин, история отношений»¹⁶ демонстрирует, как Достоевский и восхищается Пушкиным, и отталкивается от него в своем творчестве до 1866 года. Предмет исследования Ирины Рейфман в книге «Как Россия научилась писать: Литература и Табель о рангах»¹⁷ — влияние петровских реформ на писателей и литературный процесс; две главы здесь посвящены Пушкину. В монографию Лины Штайнер «Во имя гуманизма: Роман воспитания в русской культуре»¹⁸ вошел анализ «Капитанской дочки». Кэтлин Сколлинс предлагает новую интерпретацию «Медного всадника» и «Пиковой дамы» в книге «Акты логоса у Пушкина и Гоголя: Петербургский текст и подтекст».¹⁹ В исследовании Дарьи Хитровой «Лирическая сопричастность: Поэзия и читатели Золотого века»²⁰ тесно переплетаются метод медленного чтения и социокультурный анализ; цель автора — продемонстрировать, как поэзия входит в повседневную жизнь. Пушкин упоминается в книге чаще всего, а эпилог посвящен «Евгению Онегину».

¹⁴ Writing as Exorcism: The Personal Codes of Pushkin, Lermontov, and Gogol. Northwestern University Press, 2004.

¹⁵ Smith A. *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian Twentieth-century Poetry*. Amsterdam; New York, 2006. (Studies in Slavic Literature and Poetics; Vol. 46).

¹⁶ Rosenshield G. *Challenging the Bard: Dostoevsky and Pushkin, a Study of Literary Relationship*. University of Wisconsin Press, 2013.

¹⁷ Reyfman I. *How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks*. University of Wisconsin Press, 2016.

¹⁸ Steiner L. *For Humanity's Sake: the Bildungsroman in Russian Culture*. University of Toronto Press, 2011.

¹⁹ Scollins K. *Acts of Logos in Pushkin and Gogol: Petersburg Texts and Subtexts*. Brighton, Mass.: Academic Studies Press, 2017.

²⁰ Khitrova D. *Lyric Complicity: Poetry and Readers in the Golden Age of Russian Literature*. University of Wisconsin Press, 2019.

Кроме перечисленных изданий следует назвать еще несколько, в которых Пушкину уделено значительное внимание. Это «Другая свобода: Альтернативная история идеи» Светланы Бойм,²¹ «Нация, сбившаяся с пути: Кочевничество и национальная идентичность в русской литературе» Ингрид Клеспис,²² «Поэтика дерзости и интимность в пушкинскую эпоху» Джо Пешио,²³ «Первая эпоха: Восемнадцатый век и русское культурное воображение» Любы Голбурт,²⁴ «Русский иррационализм от Пушкина до Бродского: Семь очерков литературы и мышления» Ольги Табачниковой²⁵ и «Благородные сюжеты: Русский роман и джентри, 1762—1861» Бэллы Григорян.²⁶ В юбилейные сборники в честь Дэвида Бетеа и Кэрил Эмерсон также вошло много статей о Пушкине.²⁷

Стоит обратить внимание не только на количество посвященных Пушкину публикаций, но и на разнообразие как устоявшихся, так и недавно возникших тем и методов изучения творчества Пушкина, характерных для американских исследователей. Наиболее традиционными темами исследований, посвященных Пушкину, являются: Пушкин и Овидий, Пушкин и Шекспир, Пушкин и Байрон, Пушкин и фольклор, Пушкин и сказки, тема изгнания, ирония у Пушкина, Пушкин и национальная идентичность, самобытность поэта, профессионализация литературы и ее связь с представлением о дворянстве. За последние пятнадцать лет на передний план выдвинулись такие темы, как Пушкин и Африка, путевые записки, запретный Пушкин, пьесы Кржижановского на пушкинские сюжеты, гендерные роли в творчестве Пушкина, символика одежды и моды в творчестве Пушкина, Пушкин в советскую эпоху (часто в связи с юбилеем 1937 года). Могут быть выделены следующие научные подходы: изучение исторического контекста одного или нескольких

²¹ *Boym S.* Another Freedom: The Alternative History of an Idea. University of Chicago Press, 2012.

²² *Kleespies I. A.* A Nation Astray: Nomadism and National Identity in Russian Literature. Northern Illinois University Press, 2012.

²³ *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. University of Wisconsin Press, 2012.

²⁴ *Golburt L.* The First Epoch: The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination. University of Wisconsin Press, 2014.

²⁵ *Tabachnikova O.* Russian Irrationalism from Pushkin to Brodsky: Seven Essays in Literature and Thought. Bloomsbury Academic, 2015.

²⁶ *Grigoryan B.* The Russian Novel and the Gentry, 1762—1861. Northern Illinois University Press, 2018.

²⁷ Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford University, 2008; Words, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson. Stanford University, 2005.

произведений и исследование того или иного социально-исторического феномена в контексте пушкинского творчества; строго биографический подход; изучение наследия Пушкина в творчестве авторов позднейших эпох; творческий диалог между последователями и предшественником, а также исследование конкретных тропов или концептов в творчестве Пушкина. Хотя американские ученые менее зависимы от влияния традиций русской пушкинистики, заметно, что современные исследования, включая и те, которые были написаны в США, по-прежнему находятся под влиянием великих пушкинистов второй половины XX века. Многие современные методы наследуют одновременно и позитивистской традиции в духе Ю. М. Лотмана и В. Э. Вацууро, с характерным для нее сочетанием текстологии, теории и биографии, и «концептуальному» подходу Тынянова, Якобсона, Гуковского и других. Так, молодая исследовательница Аманда Мерфи далека от формальной школы, питавшей многие лучшие пушкиноведческие труды, и никак не связана с телеологической идеологией того времени. Тем не менее наследование предшественникам обнаруживается в ее статье, посвященной анализу того, как семиотический «заряд» названных в тексте предметов гардероба в сочетании с определенными типами рифмовки работает на создание политического смысла.²⁸

И все-таки давно начавшаяся концептуализация Пушкина становится все более распространенным методом, уже не связанным ни с одним из этих направлений. Так, за последние 15 лет Пушкин предстал то африканским поэтом, то великим новеллистом. Парадоксальным образом в нем видели представителя романтизма скорее потому, что он переосмыслил Байрона, а не потому, что он стал создателем «Евгения Онегина». Но одна из самых распространенных тенденций последнего времени, с одной стороны связанная с популярностью концептуальных исследований, а с другой — возникшая как побочный продукт культа личности, процветающего даже среди американских пушкинистов, это интерес к Пушкину как культурному феномену. Речь идет уже не об осмыслении его произведений, а о том, как в его личности запечатлелась его эпоха, что он собой символизировал, как стал мерой всех вещей. Именно с этой тенденцией связаны новые исследовательские подходы, сосредоточенные на проблеме влияний. Творчество Пушкина все еще продолжают сопоставлять с предшествующими традициями, (Пушкин и Байрон, Пушкин и английская литература, Пушкин и французская литера-

²⁸ *Murphy A.* The Empress Undressed: Dress, Disguise, and the Next Generation in Pushkin's Prose // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76, № 4. P. 713–31.

тура...),²⁹ но гораздо более актуальным становится выявление его влияния на великих русских писателей более позднего времени (Пушкин и Достоевский, Пушкин и поэты XX века). Об этом пишет Эндрю Рейнольдс в статье о Мандельштаме, это интересует Джеффа Цебулу, анализирующего «Где. Когда» Александра Введенского, об этом говорится в упомянутой выше книге Александры Смит.³⁰

Краткий обзор не позволяет охватить все достойные внимания исследования, вышедшие с 2005 года, поэтому я коснусь еще лишь нескольких, сфокусировав анализ на конкретных работах, темах и подходах. Поскольку «Евгению Онегину» — центральному произведению Пушкина — уделяется очень много внимания, представляется целесообразным кратко представить некоторые его интерпретации. Ряд исследований посвящен Татьяне Лариной. Люк Бодуан в статье «Язык, гендер и сон в “Евгении Онегине”»³¹ сосредоточил внимание на ее сне. О сне Татьяны пишет и Майкл Вахтель в статье «Поворот Пушкина к фольклору»,³² содержащей новый взгляд на отношение Пушкина к народному творчеству. Милла Федорова и Хильда Хугенбум обращаются к кругу чтения Татьяны. Федорова помещает цитату из «Юлии, или Новой Элоизы» в новый контекст, а Хугенбум подчеркивает менее очевидную значимость упомянутых в «Евгении Онегине» посредственных романов Софи Коттен.³³ С такой же пронизательностью Лесли О’Белл демонстрирует скрытые аллюзии на роман Шарля Нодье «Жан Сбогар» в черновых строках «Альбома Онегина», предназначенных для седьмой гла-

²⁹ См.: *Agayev Z.* The Influence of Barry Cornwall and the Phenomenon of Polygenesis in Alexander Pushkin’s “Little House in Kolomna” // *Pushkin Review*. 2005. Vol. 8—9. P. 27 et pass.; *Greene R.* Othello Meets Don Juan: Shakespeare, Pushkin, and “The Stone Guest” // *CLA Journal*. 2008. Vol. 51, № 3. P. 265—283; *Murphy A.* “She Troubles Me like a Passion”: Shakespearean Echoes in Pushkin’s Marina Mnizhek // *Pushkin Review*. 2011. Vol. 14. P. 119 et pass.

³⁰ См.: *Reynolds A.* “Light Breathing”: Osip Mandel’shtam’s “First” Poems, Pushkin, and the Poetics of Influence // *Pushkin Review*. 2007. Vol. 10. P. 103 et pass.; *Cebula G.* Pushkin and the Death of the Poet in Alexander Vvedensky’s “Where. When” // *Pushkin Review*. 2019. Vol. 20. P. 141 et pass.; *Smith A.* Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian Twentieth-century Poetry.

³¹ *Beaudoin L.* Language, Gender and the Dream in “Evgenii Onegin” // *Pushkin Review*. 2005. Vol. 8—9.

³² *Wachtel M.* Pushkin’s Turn to Folklore // *Pushkin Review*. 2019. Vol. 21.

³³ См.: *Fedorova M.* The Lover of Julie Wolmar: The New Heloise and Tatiانا’s Dilemma // *The Slavic and East European Journal*. 2009. Vol. 53, № 2. P. 171—187; *Hoogenboom H.* Sentimental Novels and Pushkin: European Literary Markets and Russian Readers // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74, № 3. P. 553—574.

вы.³⁴ Ингрид Клеспис обращается к не вошедшим в основные главы романа «Отрывкам из путешествия Онегина». В ее статье «Лишние путешествия? Читая “Путешествие Онегина” и “Путешествие вокруг света И. Обломова”»³⁵ путешествие рассматривается как поиск дома и вид кочевничества; эту тему Клеспис развивает в книге «Нация, сбившаяся с пути».³⁶ Дэвид Хьюстон в работе «Еще один взгляд на поэтику изгнания: Пушкинское восприятие Овидия, 1821—1824»³⁷ анализирует эволюцию отношения Пушкина к Овидию и к жанру элегии, и «Евгений Онегин» служит ему в качестве одного из примеров. К жанру элегии обращается и Дарья Хитрова, которую интересуют пушкинские критические высказывания по поводу культуры Золотого века в «Онегине».³⁸ Хьюстон анализирует начальные строфы романа, в то время как Хитрова рассматривает шестую главу как вариант эпилога.

Исследования, посвященные «Онегину», сосредоточены непосредственно на пушкинском творчестве, но заметна и другая тенденция — обращение к социологической проблематике, которая оказывается более привлекательной, чем сочинения Пушкина как таковые. Юбилей 1937 года, которому было уделено большое внимание, представляет собой одну из таких тем, не имеющих прямого отношения к творчеству Пушкина, поскольку, как уже говорилось, речь в данном случае идет о культурной значимости фигуры поэта, а не о нем самом. Признание Пушкина символом национальной и культурной (не только литературной) идентичности продолжает играть решающую роль, о чем свидетельствует не только интерес к чествованию Пушкина в 1937 году, но и тот факт, что встречаются книги, в названии которых стоит имя Пушкина, хотя посвящены они вовсе не ему.³⁹ Что же касается исследований, обращенных к юбилею 1937 года, то они предложили новаторские подходы к изучению культурной апроприации пушкинского наследия Советским Сою-

³⁴ См.: O’Bell L. *Onegin’s Album: A Creative and Literary Crossroads* // *Pushkin Review*. 2015. Vol. 18, № 1. P. 49—60.

³⁵ Kleespies I. A. *Superfluous Journeys? A Reading of “Onegin’s Journey” and “A Journey around the World by I. Oblomov”* // *The Russian Review*. 2011. Vol. 70, № 1. P. 20—42.

³⁶ Kleespies I. A. *A Nation Astray: Nomadism and National Identity in Russian Literature*.

³⁷ Houston D. *Another Look at the Poetics of Exile: Pushkin’s Reception of Ovid, 1821—1824* // *Pushkin Review*. 2007. Vol. 10. P. 129 et pass.

³⁸ Khitrova D. *Lyric Complicity: Poetry and Readers in the Golden Age of Russian Literature*.

³⁹ Например: Tosi A. *Waiting for Pushkin: Russian Fiction in the Reign of Alexander I (1801—1825)*. Rodopi, 2006.

зом. Наиболее содержательна в этом отношении книга Джонатана Платта «Приветствуем тебя, Пушкин!»,⁴⁰ однако и Кэрил Эмерсон, и Стефани Сэндлер, и Кэрол Ан, и Брайан Хоровиц, и Ольга Ворониной удалось по-новому осветить проблему восприятия Пушкина в советский период.⁴¹ Следует особо отметить великолепную статью Меган Свифт «Медный всадник снова на коне: Сталинистское переосмысление “Медного всадника” Александра Пушкина, 1928—1953»,⁴² в которой продемонстрировано, что книжные иллюстрации сыграли решающую роль в возвращении интереса к «Медному всаднику» в сталинскую эпоху. К другим примечательным социально-историческим или культурологическим исследованиям относится «Русская Клеопатримония: “Египетские ночи” Пушкина в Серебряном веке» Лады Пановой⁴³ — результат предпринятого ею масштабного изучения рецепции Древнего Египта в России. К тому же типу исследований надо отнести не только уже упоминавшийся большой сборник статей «Под небом Африки моей: Александр Пушкин и Африка»,⁴⁴ но и отдельные работы Мелиссы Фрейзер, Джона Барнстеда, Лолиты Паевонской и Екатерины Александровой о Пушкине и Африке.⁴⁵ Здесь же следует упомя-

⁴⁰ См.: *Platt J. B. Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard.*

⁴¹ См.: *Emerson C. Afterword: The Fate of the Jubilee Pushkin on the Stalinist Musical-Dramatic Stage // Pushkin Review. 2007. Vol. 10. P. 41 et pass.; Sandler S. The 1937 Pushkin Jubilee as Epic Trauma // Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda. University of Wisconsin Press, 2006. P. 193—213; Any C. The Red Pushkin and the Writers' Union in 1937: Prescription and Taboo // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations. The University of Wisconsin Press, 2012. P. 378—401; Horowitz B. Alexander Sergeevich Pushkin in the New Soviet State: Pavel Sakulin and the Pushkin Edition of 1931—1936 // Pushkin Review. 2013. Vol. 16—17. P. 181 et pass.; Voronina O. “The Sun of World Poetry”: Pushkin as a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 63 et pass.*

⁴² *Swift M. The Bronze Horseman Rides Again: The Stalinist Reimagining of Alexander Pushkin's Mednyi vsadnik, 1928—1953 // Russian Review. 2013. Vol. 72, № 1. P. 24—44.*

⁴³ *Panova L. Russian Cleopatrimony: Pushkin's Egyptian Nights in the Silver Age // Pushkin Review. 2008. Vol. 11. P. 103 et pass.*

⁴⁴ Under the Sky of my Africa: Alexander Pushkin and Blackness.

⁴⁵ *Frazier M. Pushkin and Blackness on the Web // Pushkin Review. 2008. Vol. 1. P. 189 et pass.; Paiewonsky L. Exploring the Dual Heritage of Russia's Greatest Poet, Father of Modern Russian Literature and the Black Russians of the Twentieth Century (Cambridge, April 2008) // Pushkin Review. 2009. Vol. 12—13. P. 65 et pass.; Barnstead J. A. Black Canadian Studies as the Cutting Edge of Change: Revisiting Pushkin, Rethinking Pushkinology // Journal of Black Studies. 2008. Vol. 38, № 3. P. 367—373; Alexandrova E. R Founding the Father: Constructing a Paternal Identity in Aleksandr Pushkin's The Blackamoor of Peter the Great and Alexandre*

нуть два раздела вышеупомянутого исследования Светланы Бойм,⁴⁶ посвященные межкультурной истории идеи свободы: «Другая свобода» и искусство цензуры» и «Свобода в России против демократии в Америке?: Пушкин и Токвиль» («Freedom in Russia versus Democracy in America? Pushkin and Tocqueville»). Честер Даннинг также рассматривает проблемы цензуры, причем не только в книге «Борис Годунов» без цензуры», но и в более поздней статье⁴⁷. Одним из самых ценных вкладов в исследование русской культуры является книга Ирины Рейфман «Как Россия училась писать»,⁴⁸ посвященная профессионализации литературного труда; не удивительно, что Пушкин занимает в этой работе центральное место. Рассмотрение литературной шалости как формы вызова, осуществленное Джо Пешчо,⁴⁹ является одним из лучших примеров социологического подхода, при котором анализ конкретного исторического феномена выводит на новые уровни понимания.

Я попыталась включить в настоящий обзор работы как известных, так и молодых ученых. Это исследования, относящиеся к самой сути пушкинского творчества и к периферийным сюжетам, посвященные и поэзии, и прозе, и драматургии. И все же это только верхушка айсберга. Самыми ценными по-прежнему остаются работы, в которых тот или иной конкретный текст анализируется методом медленного, как бы совершаемого впервые чтения, как это сделано Аароном Бивером в статье 2005 года о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...».⁵⁰ Однако современная пушкинистика, кажется, развивается не в этом направлении. Небольшое количество исследований, посвященных собственно Пушкину, не случайно. Чаще всего обращение к его личности и творчеству происходит в более широком контексте, в работах, адресованных самой разной аудитории. И в то время как отделения славистики по всей стране борются за выживание, остается надеяться, что исследования Пушкина в США останутся столь же разнообразными и продуктивными, как и в минувшие пятнадцать лет.

Dumas's Blanche de Beaulieu // Journal of European Studies. 2016. Vol. 46, № 3–4 (October). P. 221–240.

⁴⁶ *Boym S.* Another Freedom: The Alternative History of an Idea.

⁴⁷ См.: *Dunning Ch. et al.* The Uncensored Boris Godunov; *Dunning Ch.* The Tsar's Red Pencil: Nicholas I and Censorship of Pushkin's *Boris Godunov* // The Slavic and East European Journal. 2010. Vol. 54, № 2. P. 238–254.

⁴⁸ *Reyffman I.* How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks.

⁴⁹ *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin.

⁵⁰ *Beaver A.* Alexander Pushkin and the Irony of Temporality // Pushkin Review. 2005. Vol. 8–9. P. 1 pass.